

УДК 394(=1.161.1-81)(571.56-17)

С.Е. НИКИТИНА

ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ АРКТИЧЕСКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ

Саргылана Егоровна Никитина,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИИПМНС СО РАН)
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
e-mail: Sarg_Nik.ykt@mail.ru

Культура русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия), несмотря на чуждый ландшафт, суровые условия жизнеобеспечения, успешно прошла адаптацию в течение четырех столетий в географической изоляции от генерального этногенеза русского народа. В иноязычном окружении они сумели сохранить язык, этническое самосознание, православную веру, материальную и духовную культуру исторической родины, в настоящее время представляющую «уходящую натуру». На полевом материале экспедиций 2012–2014 гг. в села Русское Устье и Походск – места компактного проживания русских старожилов Арктики РС(Я), рассмотрены актуальные вопросы адаптации в чуждой экологической среде, повседневные практики традиционного природопользования, их трансформации в условиях экономических и социальных процессов и перспективы сохранения данной культуры.

Ключевые слова: русские арктические старожилы, самобытный язык и фольклор, традиционные промыслы, традиционное природопользование, этническое самосознание.

S.YE. NIKITINA

CULTURAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN OLD-SETTLERS IN THE ARCTIC AREAS OF YAKUTIA

Sargylana Yegorovna Nikitina,
Candidate of historical Sciences, Researcher,
The Institute of humanities Research and the indigenous Studies of the North, SB RAS
677027, Yakutsk, Petrovsky st., 1
e-mail: Sarg_Nik.ykt@mail.ru

The historical literature about the Old Russian culture of the XVI century preserved by the old-settlers in the Arctic areas of Yakutia represents «participant observation» of the exiles (at the end of the XIX century) and members of scientific expeditions of the XX century. Although this topic is of high scientific interest some issues remain unresolved, i.e. the question about the time of their origin, specifics of their adaptation and inter-civilization interaction. Special attention should be paid to the problem of their transformation in the XX–XXI centuries.

The present paper supports the hypothesis of their «arrival» from the Russian North via the «Northern Sea». They were accompanied by their families that provided the Russian old-settlers of Yakutia with an adequate social environment for inter-generational transmission of their original language and folklore and, ultimately, of their ethnic identity. The Russian identity's opposition to the alien linguistic landscape under the conditions of geographic isolation contributed to preservation of the Old Russian culture.

Unification of the Soviet educational system, regular transportation links with European Russia, new cultural values promoted the Russian literary language as the means of communication to an extent that one can talk about the «vanishing scenery». Field materials of the 2012-2014 expeditions allowed making the following conclusions: positive academic interest in the Old Russian language and folklore along with the State protectionist policy preserving the unique Arctic microeconomics had, undoubtedly, supported the tradition of their existence. An important condition for preserving this culture has been a mono-ethnic compact settlement (Russian Ust'e, Pokhodsk), where the basis of the people's life sustenance depended on the traditional use of natural resources. Collapse of the existing system of economic relations (the decline of the fur hunting industry, especially hunting the Arctic fox; collapse of the single system for delivering fishery products) changed the structure of the economy of the Russian enclave in the Arctic: the local people refused from dog breeding and fur hunting but retained the basic element of the traditional way of life – fishing. However, their legal insecurity threatens the prospects of their traditional trades.

Key words: Russian Arctic old-settlers, original language and folklore, traditional nature management, ethnic identity.

Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия) представлены группами русского населения, компактно проживающими в с. Русское Устье Аллаиховского улуса на устье р. Индигирки и с. Походск Нижнеколымского улуса на устье р. Колымы за 71° с.ш. Природно-географический ландшафт этой арктической территории сам по себе вызывает определенные социальные фобии, поэтому актуален исторический опыт адаптации рассматриваемого анклава русских старожилов с XVII в. Возможный путь транспортного сообщения – только по реке, доступность этих мест ограничивается сезонными природно-климатическими факторами даже в современных условиях транспортного разнообразия.

В 2012–2014 гг. состоялись комплексные экспедиции в села Русское Устье и Походск, в которых приняли участие сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). Были проведены социологические опросы, интервьюирование, анкетирование, антропометрические замеры, сбор фото-, аудио- и видеоматериалов. Собраны лингвистические, фольклорные, историко-этнографические, социолингвистические материалы.

Имеющаяся литература о русских арктических старожилах Якутии представлена этнографическими исследованиями «включенного наблюдения» отбывавших в конце XIX в. ссылку на Индигирку – В.М. Зензинова, на Колыме – В.Г. Богораза, зафиксировавших язык, фольклор, быт, занятия старорусской культуры XVI в. [1; 2; 3], а также исследованиями научных экспедиций XX в. [4; 5; 6]. При высоком научном интересе к теме остается нерешенным вопрос о времени появления русских, адаптации и межцивилизационном взаимодействии, особое внимание заслуживает проблема трансформации в XX–XXI вв.

В статье подерживается версия о «прибытии» с Русского Севера по «Северному морю» семьями [1, с. 16], что, на наш взгляд, в достаточной степени должно было обусловить социальную среду межпоколенной трансмиссии самобытного языка и фольклора, в конечном счете, этнической идентичности арктических русских старожилов Якутии. В истории Сибири факты убедительно свидетельствуют, что смешанные браки казаков и промышленных людей с аборигенными женщинами приводили не только к метисации, но в большей степени к культурной ассимиляции. Противопоставление русской идентификации локального анклава иноязыковому ландшафту в условиях географической изоляции определило сохранность старорусской культуры.

В настоящее время нет исторических материалов для подтверждения или опровержения предания о прибытии на кочах русских мореходов в устье Индигирки. Однако мы можем отметить, что исторические факты позволяют допустить вероятность успешного морского похода по северным водам [7; 8]. Так, труд Николааса Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1692 г.) содержит сведения, что уже в XVI в. русские мореплаватели имели возможность выходить в северные морские воды, успешно плавали в XVII в.: «В Енисейске делают очень большие корабли, имеющие верхнюю палубу. На них плавают к Лене, причем плавание совершается с внешней стороны материка, вдоль берега» [9, с. 109].

В исторической традиции появление русских казаков на Индигирке связывают с отрядом Ивана Реброва в 1638 г., когда ими были заложены два острожка. Исторические источники фиксируют: в 1642 г. на Индигирке 142 чел. (устюжане, вягичи, усольцы, холмогорцы, новгородцы и чердынцы), в 1647 г. на Колыме уже 396 промышленных людей уплатили оброк в казну [6, с. 55]. В Российской империи административно русскоустинцы были отнесены к мещанам Верхоянского округа. Анклав Колымского округа русских старожилов формировался в большей степени за счет казаков, которые отвечали за общественный порядок на Анюйской ярмарке, обеспечивали сопровождение почты, грузов, ссыльных, собранной ясачной пушнины.

До XX в. на Индигирке и Колыме были дисперсно расселенные многочисленные русские населенные пункты, в каждом из них имелось от двух до семи дворов. На Станчике арктическими жителями была построена самая северная церковь. В период колхозного строительства были созданы центральные усадьбы сел Русское Устье и Походск. В 1960–1970-е гг. почти все северные административные центры совхозов приобрели современный вид, шло активное строительство благоустроенных школ, детских садов, многоквартирных жилых домов, в 1990-е гг. были введены Интернет, цифровое телевидение, на далеких рыболовных участках – дизельные генераторы (у всех ноутбуки) и газовые плитки.

Можно согласиться с тем, что прибывшим из Русского Севера были близки хозяйственные занятия местных жителей – охота и рыболовство. Огромная заслуга их в обогащении традиционных занятий промысловым инвентарем: для охоты – обметы на соболя, кулемы, плашки, зверовые собаки, на песца пасти, для добычи рыбы – невода, сети. Адаптация русских старожилов в условиях новой экосистемы и иноязыковой среды прошла не просто за счет восприятия традиционных форм хозяйствования местных жителей, но приспособления этих знаний и умений к стандартам русской материальной культуры XVI–XVII вв.

В условиях географической изоляции, вызванной транспортной недоступностью и дальностью расстояний, происходили постоянные контакты с местными юкагирскими племенами, при этом заключаемые брачные союзы приводили к растворению юкагирского компонента в русском населении. Уже к середине XVIII в. сформировалось смешанное потомство – особая общность, в жизни которой равнозначными доминантами стали русский язык, православие, русский фольклор и свойственный аборигенам края материально-хозяйственный быт рыболовов-охотников. Необходимо отметить взаимовлияние в области верований, у русских старожилов сформировалась сложная синкретическая картина мира, связанная не только с православными традициями, но и с язычеством в форме шаманизма, кормления огня, духа местности, для удачи в охоте и др. Так сформировался оригинальный русский анклав среди арктических народов, они называли себя «местные русские», отличая себя от приезжих «тамосных» русских. Исследователи Русского Устья отмечали в антропологическом портрете русскоустинцев некоторые монголоидные черты: разрез глаз, скуластость, черные прямые волосы, редкая растительность на лице, темная кожа, но подчеркивали, что у монголоидов не бывает голубых глаз, довольно часто встречающихся у русскоустинцев.

В годы активного промышленного освоения Севера регулярные еженедельные авиарейсы включили далекие арктические села в активную по внешним контактам жизнь. Это нашло отражение в семейно-брачных отношениях с приезжающими с «материка», в миграционном процессе покинувших свои села. Современные русскоустинцы лишь частично сохранили монголоидные этногенетические маркеры. Близость к Чукотке нашла свое отражение в антропологическом портрете походчан, их особенностью является включение в большей степени чукотского компонента.

С XVII в. арктическое комплексное хозяйство русских старожилов включало песцовый промысел, речное рыболовство, ездовое собаководство. Белый песец был основным промысловым видом пушных зверей, имевших товарную ценность, до 1990-х гг. составлявшим единственную доходную статью жизнеобеспечения. Ими использовались давящие конструкции с приманкой – пасти, которых ставили до 300 шт. Обезжали их с целью промысла и ремонта охотничьего снаряда в любую погоду, покрывая расстояния в 200–300 км². Переход к рыночной экономике уничтожил устоявшуюся хозяйственную стабильность арктической системы жизнеобеспечения. Белый песец перестал быть востребованным, рухнули торгово-посреднические связи с заготовительными организациями. Охота из основного бюджетоформирующего промысла перешла в разряд подсобного, сохранились традиционные формы охоты на диких оленей и пернатую дичь.

Непосредственно с охотой на белого песца было связано ездовое собаководство, которое представляло важное хозяйственное занятие в цепи арктического жизнеобеспечения. Для прокорма одной собачьей упряжки необходимо было заготовить 3 т рыбы – для восьми собак, 4 т – для 10 собак. Поэтому рыболовство имело важное значение. С прекращением охоты на белого песца и появлением снегоходов необходимость в собачьем транспорте отпала, и индигирские собаки как особая порода исчезли. Нарты – средство передвижения, также привнесенное русской старожильской культурой и перенятое местными народами (кочевавшими верхом на оленях), до сих пор используются в хозяйстве наряду со снегоходами.

В прошлом особым занятием был сбор плавника, принесенного рекой. Он использовался для отопления, а также для строительства изб и подсобных строений. Весной баграми вылавливали плавник из реки, складировали и вывозили зимой на нартах. Дрова и строительный материал по-прежнему представляют значимую ценность.

Отдельной отраслью хозяйственной деятельности арктических русских являлось рыболовство. Рыба была основной пищей, при этом «для стола» традиционно рыбачили женщины. В настоящее время рыбодобыча является единственной основой материального благополучия жителей низовьев Индигирки и Колымы. Новые рыночные условия организации и регулирования рыболовства в Арктике создали чрезвычайно сложные условия для развития этого промысла. Без государственной поддержки по развитию и укреплению материально-технической базы рыбопромысла, а также по организации системы заготовки и реализации рыбодобычи традиционная отрасль испытывает огромные трудности. Экстремальные природно-климатические условия, труднодоступность

рыболовных участков, высокая стоимость хранения, доставки, переработки и сбыта рыбной продукции – это постоянные вопросы, которые приходится решать при промышленном вылове. Квотирование и лицензирование рыболовства на территориях традиционного природопользования лишают русских старожилов Арктики возможности потребительского рыболовства для «еды». По федеральному закону о землепользовании при промышленном лове рыболовные участки распределяются путем аукционов, условия которых выводят «арктическую провинцию» из числа участников.

Закон Республики Саха (Якутия) от 17 мая 2000 г. № 193-П «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» защищал равные права на традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей, русских старожилов). Однако приведение правотворчества субъектов в соответствие федеральному законодательству¹ на основании п. 1 ст. 1 ФЗ обнаружило, что «русские старожилы» отсутствуют в Перечне, и «к русским арктическим старожилам не могут быть адресованы нормы законодательства о малочисленных народах, предоставляющие им определенные права и обязанности».

Исходя из редакции Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 05.04.2009 № 40-ФЗ п. 3 ст. 3, «положения настоящего Федерального закона могут распространяться на лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов», был принят Закон РС(Я) о приравнении русских арктических старожилов к статусу коренных малочисленных народов Севера по традиционному природопользованию².

В Русском Устье основная трудовая деятельность мужского населения связана с промышленным рыболовством. Руководителем рыболовческой бригады является Сергей Алексеевич Суздалов, потомственный русскоустинец, в его бригаде 29 рыбаков. С.А. Суздалов уверенно руководит трудовым процессом, контролирует техническое оснащение рыбаков, помогая в приобретении лодок, снегоходов и т. д. Выловленную рыбу хранят в специально построенном леднике, строительство которого профинансировало правительство. Финансовая стабильность бригады сказалась на материальном благополучии рыбаков, уже который год они получают ежемесячную зарплату. В селе один магазин принадлежит рыболовческой бригаде, где продукты реализуются по оптовым ценам.

В отличие от русскоустинцев, колымчане до сих пор испытывают трудности со сдачей рыбы, сдают посредникам по очень низким закупочным ценам. Имеющийся кооператив,

¹ Федеральный закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ.

² Закон Республики Саха (Якутия) «О распространении положений Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации «на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустинцев)»» (в ред. Закона РС(Я) от 15.10.2009 743-3 №377-IV).

восемь рыбаков, выдерживает конкуренцию только благодаря дотационной политике республиканского правительства. Остальные рыбаки по контракту, сдают и в кооператив, и посредникам, где закупочные цены чуть выше. Оплату своего труда, в отличие от Русского Устья, рыбаки получают по реализации рыбы, два раза в год.

В годы советской власти, которые вспоминаются старожилками как годы наибольшего благополучия, высоко оценивался ударный труд охотников-промысловиков на белого песца, летом рыбаки сдавали улов приходившему два раза в неделю катеру, снабжение полярных сел осуществлялось напрямую из Москвы, с которой соединяли прямые рейсы Москва–Чокурдах, Москва–Черский. В настоящее время вопросы снабжения продуктами решают коммерческие доставки семейного бизнеса земляков, завозят по зимнику, цены на завозимый товар запредельные. Поэтому овощи закупают из планового северного завоза.

Язык и фольклор Русского Устья являются историческим памятником русской культуры XVI–XVII вв. В годы советской власти образовательная политика стандарта грамотности и литературного русского языка привела к тому, что поколения школьников Русского Устья начиная с 1940-х гг. подвергались интенсивной языковой ассимиляции современным русским языком. Так, выявленные в Нижнеколымском районном архиве протоколы заседаний бюро райисполкома свидетельствуют о жестком административном контроле «за чистотой и грамотностью речи учащихся, необходимости правильного произношения и ответственности родителей за домашние разговоры на своем диалекте»³. Веками бережно сохраняемый язык в настоящее время представляет «уходящую натуру».

Уникальность лингвокультурологического материала Русского Устья и Походска определяется сохранностью архаичной северорусской культуры, языка и фольклора. Интерес многочисленных экспедиций к ним объяснялся тем, что «путешественников и исследователей края всегда поражал неожиданный контраст между монголоидной внешностью местных жителей, северной бытовой атрибутикой... и их русским говором, вождением русских хороводов на вечерках, традиционно русским обрядом рождественского обхода домов с пением ритуального винограда и даже былинами, бытующими в их среде. И фольклористов, прежде всего, привлекал феномен бытования здесь русского фольклора и сохранения... жанров и видов утраченных или почти утраченных в метрополии».

В настоящее время, по данным статистики, численность населения с. Русское Устье – 148 чел., причем коренные местные русские составляют 85 %⁴. В с. Походске проживают 254 чел., из них коренные походчане составляют 2/3 населения⁵. В Походске и в Русском Устье трудоустройство обеспечивают: модульная электростанция, котельная, общеобразовательная школа, детский сад, сельский клуб, рыболовецкий кооператив. В сельской администрации штат из 2 чел.

³ Нижнеколымский улусный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 174–176. Нижнеколымский райисполком депутатов трудящихся ЯАССР. 1929–1940 гг.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 54–61. Отдел образования. 1931–1953 гг.

⁴ Текущий архив администрации МУ «с. Русское Устье». Статистика.

⁵ Текущий архив администрации МУ «с. Походск». Статистика.

в Русском Устье, 4 чел. в Походске, фельдшерский пункт – 1 чел. На селе функционируют частные магазины.

Как показали проведенные социо- и антропологические исследования экспедиции 2013 г., жители Русского Устья и их земляки, живущие в районном центре пос. Чокурдах, по самоидентификации дают довольно интересную картину. Люди старше 56 лет связывают свою национальность с местным происхождением, называются «русскоустинцами» либо «местнорусскими». Лица в возрасте от 40 до 56 лет определяют свою национальность как «русский», мотивируя: «говорю на чистом русском языке», при этом родители связывают с показателем «местный». В интервью некоторые из них рассказывали о случаях во время выездов в Центральную Россию, когда им приходилось доказывать, что они русские. Люди в возрасте до 40 лет, особенно молодые – от 17 до 35 лет, однозначно отвечают – «русский», один из родителей, как правило, оказывается с «материка».

Для русских старожилков Арктики в целом характерны положительные установки на межнациональное общение и активные этнокультурные контакты с другими народами. Наибольшее предпочтение отдается контактам с юкагирами, эвенками, приезжими русскими, якутами. О межэтнических контактах можно судить по уровню браков, заключенных с представителями разных национальностей. Так, в настоящее время в Русском Устье проживают из приезжих 19 эвенов, 16 якутов, 14 русских. Положительным явлением представляется сохранение высокой степени родственных связей, которые усиливаются в диаспорах пос. Чокурдах, Якутска, Нерюнгри, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, а также наличие традиционного способа межпоколенной трансмиссии этнической культуры. Бережное отношение к памяти своих предков, к старшим в семье, родителям, детям является особой чертой характера русскоустинцев. Для жителей Русского Устья русскоустинцы все «наши», у них нет детей-сирот, брошенных стариков, обязательно их возьмут в семью, при разделе добычи и улова каждый принесет равную долю во вдовью семью. Эта особая ментальность близка нормам обычного права, но также может быть объяснена поведенческой культурой русскоустинцев, живущих немногочисленным анклавом в иноязычном окружении. В их лексике ласковое обращение друг к другу, к земле, окружающей природе, отсутствуют ругательные слова, а трезвость – норма повседневности, родителями в семьях с раннего возраста формируется уважение к местным народам.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы: около четырех столетий в географической изоляции от генерального этногенеза русского народа России в арктической зоне Северо-Востока Сибири произошло становление арктического субэтноса, приспособившего старорусскую материальную и духовную культуру к реалиям Севера и впитавшего достижения традиционной культуры аборигенов. В настоящее время наблюдается процесс утрачивания традиционных занятий, сложившейся системы жизнеобеспечения.

В течение XX в. происходили трансформации сложившегося образа жизни: насильственная коллективизация в единое хозяйство и административное поселкование; огосударствление экономической сферы их жизни; изменение транспортной и социальной инфраструктуры в связи с промышленным освоением Севера. Вектор советской системы

просвещения на унификацию культуры и языка, новые требования среднего профессионального и высшего образования отразились на выборе в качестве языка общения литературного русского языка. Развал экономики в 1990-е гг., возврат транспортной недоступности остро сказались на арктических территориях в целом, для русских арктических старожилов особо тяжелым был отказ от традиционной охоты на белого песца – промысла, практически определявшего их этнографическую культуру.

Высокий адаптационный потенциал русских старожилов Арктики нашел выход в многочисленных экспериментах с разведением птиц, коз, свиней, тепличным овощеводством, переориентации хозяйства на рыболовство. В настоящее время можно считать русских арктических старожилов отдельной этнографической группой, заселяющей определенный географический ареал – низовья Индигирки и Колымы на побережье Северного Ледовитого океана, занимающейся традиционными промыслами, их жизнеобеспечение полностью находится в зависимости от традиционных занятий. В данный момент этническая специфика стойко сохраняется в хозяйственной деятельности и в духовной сфере. Признание за «русскими арктическими старожилами», жизнеобеспечение которых всецело определяется традиционным природопользованием, правового статуса, включенного в Перечень... народов Севера, гарантирующего правовую защищенность с учетом традиционного природопользования, позволило бы им более успешно осуществлять свою экономическую деятельность в сфере рыболовства и охоты, пользоваться такими же льготами, как другие арктические этносы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914.
2. Богораз В.Г. Русское население на Колыме // Землеведение. 1899. Вып. 4. С. 42–123.

Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития / отв. ред. В.А. Ламин, М.В. Шилловский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.

В монографии доктора исторических наук О.Н. Шелегиной представлены новые результаты, актуальные для развития отечественной и мировой науки: впервые разработан адаптационный подход в музеологии, а также создана исследовательская модель «Музейный мир Сибири». Монография отражает многолетнюю работу автора в Институте истории СО РАН, Научном совете по музеям СО РАН, а в последние несколько лет – работу в Комитете музеологии, стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО (ASPAC).

Сегодня общепризнанным является тезис о том, что музей – это тысячелетний феномен мировой истории и культуры. В монографии отмечено, что при имеющихся бесспорных достижениях истории отечественного музейного дела

3. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. 1899. № 6. С. 103–125.
4. Биркенгоф А.Л. Потомки землепроходцев. М., 1972.
5. Шуб Т.А. Старожилое русское население низовьев р. Индигирки // Тр. II Всесоюз. геогр. съезда. М., 1949. Т. 3. С. 315.
6. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
7. Окладников А.П. Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.; Л., 1945.
8. Долгих Б.О. Новые данные о плавании русских Северным путем в XVII в. // Проблемы Арктики. 1943. № 2. С. 195–226.
9. Визе В.Ю. Успехи русских в исследовании Арктики // Тр. Второго Всесоюз. геогр. съезда. М., 1948. Т. 1. С. 109.

REFERENCES

1. Zenzinov V.M. Old-timers people in Cold ocean. The Russian Estuary of the Yakut region Verkhoyansk district. M., 1914. (In Russ.)
2. Bogoraz V.G. Russian population in Kolyma. *Zemlevedenie*. 1899, Is. 4, pp. 42–123. (In Russ.)
3. Bogoraz V.G. The Russian in Kolyma. *Zhizn*. 1899, no 6, pp. 103–125. (In Russ.)
4. Birkengof A.L. Descendants of the new land discoverers. M., 1972. (In Russ.)
5. Shub T.A. Old-timers Russian population of the Lower Indigirka. *Trudy II Vsesoyusnogo geograficheskogo siezda*. M., 1949, v. 3, pp. 315. (In Russ.)
6. Gurvich I.S. Ethnic history of northeast Siberia. M., 1966. (In Russ.)
7. Okladnikov A.P. Old-timers Russian polar sailors off the Taimyr coast. M.; L., 1945. (In Russ.)
8. Dolgih B.O. New data about the Russians Northern voyage by Sea in 17 c. *Problemy Arktiki*. 1943, no 2, pp. 195–226. (In Russ.)
9. Vize V.Yu. The Russian Advances in the study of Arctic. *Trudy II Vsesoyusnogo geograficheskogo siezda*. M., 1948, v. 1, pp. 109. (In Russ.)

Статья принята редакцией 07.02.2015

все же недостаточной является связь с мировой традицией. Существенное значение для российских музеев имеют проблемы корреляции современных социально-экономических практик и освоения регионального историко-культурного наследия.

Таким образом, О.Н. Шелегина подводит читателя к выводу, что исследование истории и современных тенденций в развитии музейного мира Сибири обусловлено актуальными научными, социокультурными, музеологическими проблемами глобального и регионального уровней и направлено на формирование современной музейной парадигмы. На основе эвристического потенциала подходов, введенных ранее в научный оборот, а также знаний и достижений в социально-гуманитарной области, релевантного эмпирического материала автором монографии предложен новый музеологический подход – адаптационный. Он базируется на ключевом общенаучном понятии «адаптация» и позволяет рассматривать в исторической динамике систему «музейный мир – музей –